Памяти
Льва Борисовича Модзалевского
и Бориса Викторовича Томашевского

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее научное описание пушкинских автографов осени 1830 года представляет собой расширенную и уточненную версию описания, которое сопровождало факсимильное издание «А. С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года». Идея факсимильного издания принадлежала С. А. Фомичеву, оно было осуществлено Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) РАН и петербургским издательством «Альфарет» в 2009 и 2013 годах.[1] Составители описания видели свою задачу в том, чтобы предоставить исследователям по возможности полные сведения о сохранившихся рукописях Пушкина, относящихся к Болдинской осени 1830 года, а также необходимую информацию об истории их бытования и изучения. Это описание включало 97 автографов поэта.

В ходе систематической работы, которая ведется в Отделе пушкиноведения ИРЛИ РАН по подготовке новых изданий (прежде всего академического издания Полного собрания сочинений Пушкина и «Пушкинской энциклопедии»), происходит постоянное накопление новых данных и наблюдений, связанных в том числе и с осмыслением рукописного наследия поэта. Новое обращение к автографам Болдинской осени 1830 года позволило внести ряд корректив в научное описание, впервые увидевшее свет более десяти лет назад, и дополнить его.[2] Так, в корпус автографов, предположительно датируемых Болдинской осенью 1830 года, впервые включена черновая записка Пушкина к А. Х. Бенкендорфу о разрешении из-

[1] См.: 1) А. С. Пушкин: Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авт.-сост. Т. И. Краснобородько и С. Б. Федотова; Вступ. ст. С. А. Фомичева. СПб.: Альфарет, 2009 (коллекционное издание); 2) А. С. Пушкин: Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авт.-сост. Т. И. Краснобородько и С. Б. Федотова; Вступ. ст. С. А. Фомичева. СПб.: Альфарет, 2013 («библиотечный» тираж; при финансовой поддержке Постоянного Комитета Союзного государства).

[2] Список автографов, включенных в настоящее описание, см. на с. 209.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

давать журнал с политическими известиями (ПД 1640). Описание большей части автографов дополнено также краткими комментариями с обоснованием датировок, предложенных составителями, и дает дополнительные сведения о сортах бумаги, бывшей в употреблении Пушкина в осенние месяцы 1830 года (с выделением сортов, которые условно можно назвать «болдинскими»). Кроме того, по архивным источникам уточнена история бытования нескольких крупных собраний пушкинских автографов (Л. Н. Майкова, И. А. Шляпкина, вел. кн. Константина Константиновича).

* * *

Рукописное наследие Болдинской осени 1830 года представлено автографами на отдельных листах. Ни в одной из известных нам рабочих тетрадей поэта (ПД 829 — ПД 846) исследователям не удалось выявить записи, относящиеся к его первому пребыванию в нижегородской вотчине Пушкиных. Факт сам по себе удивительный: ведь привычка работать в переплетенной тетради, альбоме или записной книжке начала складываться у юного поэта в последний лицейский год и только закрепилась с годами его кочевой жизни. Это обстоятельство привело С. М. Бонди — одного из крупнейших знатоков пушкинских рукописей — к убеждению, что должна была существовать «болдинская тетрадь» Пушкина и что она в конце концов может быть найдена. Об этом свидетельствует Т. Г. Цявловская. В последний год войны, когда советские войска вошли на территорию Словакии, московские пушкинисты подняли в правительственных кругах вопрос об охране замка в Бродзянах (имении баронов Фризенгофов, где после замужества жила А. Н. Гончарова — сестра Н. Н. Пушкиной). Сразу после войны распространились слухи о «пушкинском архиве» А. Н. Гончаровой-Фризенгоф, который хранился у профессора А. В. Исаченко в Праге. Там будто бы находились «сотни единиц хранения», «хозяйств.<енные> бумаги пушк.<инского> времени, семейные бумаги, письма к Пушкину Карамзина, Жуковского и др., *много автографов Пушкина*».[3] Приблизительно в то же время из другого источника стало известно, что среди документов этого архива были также «письма Пушкина и какая-то рукопись, довольно объемистая». «Я знаю, — писала в связи с этим Т. Г. Цявловская Н. А. Раевскому в июле 1963 го-

[3] *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 120 (последняя фраза подчеркнута Т. Г. Цявловской).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

да, — что Сергей Михайлович Бонди, еще тогда, во время войны, когда мы подняли шум для охраны Бродян <sic!>, мечтал, что там может оказаться черновая тетрадь, писавшаяся в Болдине в 1830 году. То есть все варианты самых замечательных произведений Пушкина. Ее не оказалось среди всех тех рукописей, которые Пушкин берег всю жизнь и которые доставляли и доставляют нам столько счастливых работ, забот и наслаждений. Где может быть эта тетрадь? — задумывался Бонди. И у него возникла мысль, что, когда он <Пушкин> умирал или только что умер, Александра Николаевна <Гончарова>, которая боготворила его творчество, спрятала эту тетрадь, взяла себе на память. Гипотеза вполне правдоподобная».[4] К сожалению, попытки найти рукописи Пушкина, которые восходили бы к «бродзянскому архиву», остались безрезультатными.

Между тем отсутствие болдинских записей 1830 года в дошедших до нас пушкинских тетрадях, как и отсутствие отдельной болдинской тетради, может иметь и другое объяснение — тоже вполне правдоподобное. В 1830 году Пушкин уезжал в нижегородское имение, находясь в самом мрачном расположении духа, в чем откровенно признавался П. А. Плетневу в письмах от 31 августа, 9 и 29 сентября. Накануне отъезда из Москвы он, в частности, писал: «Осень подходит. Это любимое мое время <...> — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе. <...> Еду в деревню, Бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского» (XIV, 110). В планы Пушкина не входило долгое пребывание в Болдине, и вполне вероятно, что он, по обыкновению, не взял в эту поездку не только свои старые тетради, как в последующие приезды в Болдино (в 1833 и 1834 годах), но не захватил с собой и чистую тетрадь, как сделал это, например, отправляясь на Кавказ в мае 1829 года. И так случилось, что все вышедшее из-под его пера осенью 1830 года было написано на отдельных листах (судя по всему, в болдинской вотчинной конторе имелся неплохой запас писчей бумаги и чернил).

С. М. Бонди был, безусловно, прав в одном: болдинские автографы 1830 года дошли до нас не полностью. Нам неизвестна значительная часть черновых рукописей этого периода (например, всех «маленьких трагедий», «Домика в Коломне», последней главы «Евгения Онегина», многих лирических произведений, возможно —

[4] Там же. С. 279. Об отсутствии черновых автографов, относящихся к Болдинской осени 1830 года, см. также в статье Н. В. Измайлова «О рукописях А. С. Пушкина» (Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., 1974. С. 64—65).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Повестей Белкина»). О том, что какая-то часть рукописей могла быть случайно забыта Пушкиным в болдинском доме во время поспешных сборов в дорогу в конце ноября 1830 года, а потом утрачена,[5] свидетельствует и тот факт, что не сохранились и письма, пришедшие в Болдино в течение этих трех месяцев (кроме последнего письма А. А. Дельвига, отправленного из Петербурга 17 ноября и полученного Пушкиным, вероятно, перед самым отъездом из деревни). В этой связи любопытна информация, сообщенная более ста лет назад писателем Б. А. Садовским (уроженцем Нижегородской губернии, сыном председателя Нижегородской губернской ученой архивной комиссии А. Я. Садовского). В своей заметке о неизвестном прежде альбоме Д. А. Остафьева с автографом Пушкина (ныне — ПД 1757) он, между прочим, писал: «Лично мне, например, известно, что после смерти в 1897 году в г. Арзамасе престарелой г-жи В—ой, хорошо знавшей Пушкина, один обыватель присвоил себе целую связку пушкинских бумаг и рисунков. Из словесного описания, сделанного при мне малосведущим обладателем названных сокровищ, видно, что большая часть рукописей, действительно, принадлежит Пушкину».[6] При всей легендарности этого давнего свидетельства нельзя исключить и того, что оно могло возникнуть не на пустом месте.

* * *

Все известные рукописи Болдинской осени 1830 года хранятся в Пушкинском Доме.[7] Они учтены в следующих изданиях:

---

[5] Один из наиболее вероятных вариантов судьбы рукописей, забытых барином в господском доме, описан самим Пушкиным в предисловии «От издателя» к болдинским повестям: часть оставшегося после смерти Ивана Петровича Белкина большого архива была употреблена «его ключницею на разные домашние потребы. Таким образом прошлою зимою все окна ее флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил» (VIII, 61).

[6] *Садовской Б.* Новый автограф Пушкина: Находка в старинном альбоме // Лукоморье. 1915. № 16. С. 10.

[7] За пределами Пушкинского Дома, в Государственном архиве Горьковской области, сохраняются два документа с пушкинскими записями, которые традиционно определяются как «рукою Пушкина», — это подписи Пушкина под копиями двух доверенностей П. А. Киреева от 19 сентября и 4 октября 1830 г. в журнале регистрации «верющих писем» Сергачского уездного суда (ГАГО, ф. 161, оп. 109, д. 1543, л. 51 и л. 52). См.: *Куприянова Н. И.* 1) Осень 1830-го: Архивные находки // Записки краеведов. Горький, 1975. [Сб. 2.] С. 89—91; 2) «Верющие» письма // Куприянова Н. И. К сему: Александр Пушкин. 2-е изд., доп. Горький, 1988. С. 43—46. В настоящее описание эти документы не включены.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937 (№ 1—823).

2. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964 (№ 824—1733).[8]

При подготовке настоящего описания болдинских автографов 1830 года за основу были приняты принципы и приемы научного описания рукописей Пушкина, разработанные Л. Б. Модзалевским (1902—1948) и Б. В. Томашевским (1890—1957). Один из этих принципов — единство документа: «каждый документ описывается полностью в одном месте» (Рукоп. П. 1937. С. VII). Специфика факсимильного издания позволяла реализовать его максимально. Так, две болдинские рукописи — восьмой главы «Евгения Онегина» (ПД 158, ПД 937) и сцены из «<Русалки>» (ПД 147, ПД 948, ПД 949), целостность которых была нарушена в процессе их бытования и части которых существуют теперь как самостоятельные архивные единицы, — в факсимильном издании были «воссоединены», воспроизведены и описаны в их первоначальном виде.

В отличие от традиционных архивных описаний автографы в настоящем описании (как и в факсимильном издании болдинских рукописей 1830 года) расположены не в исторически сложившейся последовательности архивных номеров, а в хронологическом порядке.

Описание каждой рукописи (как отдельной архивной единицы) состоит из следующих элементов:

1. Архивный шифр рукописи.
2. Название произведения.
3. Полистное описание рукописи.
4. Характеристика автографа.
5. Датировка автографа.
6. Внешние особенности документа.
7. История бытования рукописи после смерти Пушкина.
8. Другие (в том числе не болдинские) автографы произведения.
9. Литература.

---

[8] Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом в 1965—1978 гг., описаны Р. Е. Теребениной в трех дополнениях к «Краткому описанию» О. С. Соловьевой: 1) Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 119—120 (№ 1734—1740); 2) Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 121—123 (№ 1741—1756); 3) Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 28 (№ 1757—1759). В 1989—2020 гг. Пушкинский рукописный фонд в Пушкинском Доме пополнился еще 18 рукописями Пушкина (№ 1760—1777), в их числе — 6 писем поэта к Н. Н. Гончаровой, отправленных из Болдина осенью 1830 года.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1. Архивный шифр рукописи.

Шифр архивного хранения приводится сокращенно, в соответствии со сложившейся в пушкиноведческой литературе традицией, — например, ПД 125, что означает: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, ф. 244, оп. 1, № 125.

2. Название произведения.

Названия произведений даются в соответствии с академическим изданием Полного собрания сочинений Пушкина в 16 томах (Акад.). Рядом с названием приводится отсылка к тому (римскими цифрами) и страницам (арабскими цифрами) этого издания, где напечатаны основные тексты, черновые редакции и варианты болдинских произведений 1830 года, а также даны сведения об их прижизненных и посмертных публикациях. Для деловых бумаг, различного рода помет и записей нетворческого характера дается сокращенная отсылка к обоим изданиям книги «Рукою Пушкина» (Рукою П. 1935; Рукою П. 1997).

3. Полистное описание рукописи.

Эта часть включает в себя последовательное описание лицевой (лист 1) и оборотной (лист 1 об.) сторон каждого листа — в соответствии с современной архивной нумерацией рукописи (карандашом в правом верхнем, в редких случаях — в правом нижнем углу).

Значительная часть автографов имеет, кроме того, «жандармскую нумерацию», сделанную красными чернилами, как правило, посредине лицевой стороны листа. Наличие этих цифр свидетельствует о том, что в день смерти Пушкина рукопись находилась у него в кабинете и впоследствии была пронумерована жандармскими писарями во время досмотра бумаг поэта в феврале 1837 года.[9] Следует иметь в виду, что в процессе составления жандармами описи пушкинского архива двойные рукописные листы, которые лежали у Пушкина один за другим, были вложены один в другой, сшиты в тетради и пронумерованы. Жандармская нумерация фиксирует этот неправильный порядок листов; однако необходимо учитывать, что именно эта нумерация, как и шифры московского Румянцевского музея (впоследствии — Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), где хранились сшитые тетради, использовалась в пушкиноведении вплоть до выхода в 1964 году описания О. С. Соловьевой (об этом см. ниже в пояснительных замечаниях к разделу «История бытования рукописи после смерти Пушкина»).

[9] Подробнее об этом см.: *Цявловский М. А.* «Посмертный обыск» у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 276—356.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Другие полистные нумерации, владельческие или архивные, в описании не отмечаются. Среди них необходимо выделить две — хронологически ранние. Это так называемая опекунская нумерация (чернилами в правом верхнем углу) — она сделана писарями Опеки, учрежденной над малолетними детьми и имуществом Пушкина, во время приемки пушкинского архива и повторяет, за редкими исключениями, жандармскую. Кроме того, в период подготовки Посмертного собрания сочинений Пушкина[10] рукописи, сшитые в тетради жандармами, нумеровал и В. А. Жуковский, выявляя и обозначая парные листы (его рукой поставлены крупные цифры «жирным» карандашом, которые повторяют жандармскую цифру на первом листе и отмечают этой же цифрой парный ему лист с другой жандармской цифрой).

Описание содержания автографа включает пушкинские заглавия, эпиграфы, даты и подписи (если таковые имеются). Описание самого пушкинского текста сводится к воспроизведению первой и последней строк на каждой странице (если ее занимает одно произведение) или первой и последней строк каждого произведения (или его фрагментов), когда на странице находится несколько произведений. Если эти строки подвергались Пушкиным правке, воспроизводится, как правило, последнее чтение рукописи. Описываются также более или менее крупные вставки и фрагменты переработки текста, расположенные на полях и в большинстве случаев отмеченные Пушкиным соответствующими значками. Короткие тексты (или их фрагменты) даются полностью.

Пушкинские тексты приводятся в соответствии со старой орфографией, с соблюдением особенностей орфографии и пунктуации подлинника (как в Рукоп. П. 1937). Сохраняются слитные / раздельные написания наречий, а также слитные / дефисные / раздельные написания частиц (бы, бъ, же, жъ, ли, ль). При этом типичные для черновой скорописи Пушкина слитные написания предложных и союзных форм, а также двух (или трех) самостоятельных слов воспроизводятся раздельно (например, кърифмамъ — къ рифмамъ, вовсейпоэмѣ — во всей поэмѣ, видѣлъя — видѣлъ я, иковеркаетъ — и коверкаетъ, неможешь — не можешь, несказавъ — не сказавъ, небѣда — не бѣда и т. п.). Восстанавливается также грамматическое согласование, когда оно было явно нарушено в процессе правки текста и не исправлено Пушкиным (все редакторские конъектуры даются в угловых скобках). В рукописях Пушкина «нн» часто передается как «н» с черточкой сверху (в настоящем издании эта особенность пушкинской графики не воспроизводится).

[10] *Пушкин А.* С. Соч. СПб., 1838—1841. Т. 1—11.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Не сохраняются прямые и очевидные ошибки, возникшие в процессе письма; при этом в ряде случаев сохранены описки, наиболее характерные для черновых рукописей Пушкина (например, «взоръ» вместо «взросъ» в одном из черновых набросков к «Post scriptum» «Моей родословной» — см.: ПД 138, л. 2 об.; «И жить торопиться» вместо «И жить торопится» — см.: ПД 129, л. 1; «веселомъ звономъ» вместо «веселымъ звономъ» в «Пире во время чумы» — см.: ПД 924, л. 1 об., и т. п.).[11]

Обязательно отмечаются различного рода пометы (автобиографические записи, подсчеты, отдельные цифры, пробы пера и т. п.), а также дается краткое описание рисунков (с указанием общепринятых атрибуций портретных набросков).

4. Характеристика автографа.

Автограф характеризуется как черновой, беловой, беловой с поправками, перебеленный, беловой или черновой с разновременной правкой — с учетом его текстологического изучения и места в истории текста произведения.

5. Датировка автографа.

Основанием для датировки автографа являются авторская дата или предположительный хронологический период заполнения рукописного листа (как в Рукоп. П. 1937), а не датировка самого произведения.

Прежде всего это касается произведений, замысел и начало работы над которыми относились к более раннему времени, а окончательная обработка происходила в Болдине. В их числе — «Аквилон», «Бесы», «Новоселье», ряд стихотворений «кавказского» цикла 1829 года («Делибаш», «Монастырь на Казбеке», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Обвал», «Кавказ»)[12] и др.

Беловой автограф стихотворения «Герой» (ПД 918), написанный одновременно с письмом М. П. Погодину (ПД 1409), датируется одинаково с ним (около (не позднее) 29 октября), а не временем создания стихотворения (предположительно в последней декаде октября, когда до Болдина дошло известие о приезде Нико-

[11] Об этой особенности пушкинских черновиков см. в работах Б. В. Томашевского «Писатель и книга: Очерк текстологии» (2-е изд. М., 1959. С. 123—125) и С. М. Бонди «О чтении рукописей Пушкина» (раздел VI: «Об описках черновика» в кн.: *Бонди С. М.* Черновики Пушкина: Статьи 1930—1970 гг. 2-е изд. М., 1978. С. 175—179).

[12] См.: *Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 220—223.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лая I в холерную Москву 29 сентября 1830 года; черновой автограф «Героя» неизвестен).

На этом же основании в настоящее описание не включены рукописи произведений, созданных Болдинской осенью 1830 года, но перебеленных позднее: беловой автограф «Моей родословной» (ПД 139), приложенный Пушкиным к письму А. Х. Бенкендорфу от 24 ноября 1831 года (ПД 570), и беловой автограф «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» с пометой «окт.<ябрь> 1830. Болдино» (ПД 214; на бумаге с водяным знаком: «1834»). Они учтены в рубрике «Другие автографы».

Для рукописей, не имеющих авторской даты, наряду с существующими в пушкиноведении датировками (они отражены в Акад. и в позднейших специальных исследованиях, которые указаны в рубрике «Литература») предлагаются новые или уточненные датировки, возникшие в процессе углубленного текстологического и палеографического изучения автографа в болдинском рукописном контексте. В случаях, когда автограф не поддается более или менее узкой датировке, за ее основание принимается весь период пребывания Пушкина в Болдине осенью 1830 года (предположительно от 3 сентября до 29 ноября).

Автографы, широкая датировка которых захватывает осенние месяцы 1830 года, при подготовке факсимильного издания решено было выделить в особый раздел — «Рукописи, предположительно датируемые Болдинской осенью 1830 года». В предлагаемом описании этот раздел сохранен. В него дополнительно включен автограф ПД 1640 (по палеографическим основаниям). В остальном же корпус входящих в этот раздел автографов было решено оставить без изменений, хотя анализ рукописей (прежде всего — последовательности заполнения листов и принадлежности бумаги к определенному сорту) дает достаточно веские основания для исключения из состава болдинских автографов ПД 143, ПД 164 и ПД 305; напротив, автограф ПД 134 с высокой степенью вероятности принадлежит к корпусу болдинских рукописей 1830 года

Ряд автографов, которые в различных изданиях отнесены к осени 1830 года (прежде всего в Акад., в Рукоп. П. 1964 (здесь в основном учтены датировки Акад. и последующих авторитетных изданий сочинений Пушкина), а также в Летописи), было решено не включать в настоящее описание. Они были передатированы в ходе подготовки описания — прежде всего, на основе систематического обследования бумаги, на которой писал Пушкин в конце 1820-х — 1830-е годы, и близких по времени рукописей. Приводим перечень этих автографов с краткими комментариями.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

а) Беловой с позднейшей правкой автограф стихотворения «В начале жизни школу помню я...» (ст. 1—42; ПД 142) — последний в ряду сохранившихся автографов этого незавершенного замысла Пушкина (ПД 144, ПД 143). Вероятнее всего, он появился не ранее 1831 года, так как написан на почтовой бумаге, которая использовалась Пушкиным с начала января 1831 года до 1833 года (№ 126, по классификации Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского; см.: Рукоп. П. 1937 и Описание ГБЛ. 1936).

б) Черновой автограф неоконченного поэтического наброска «Тому [одно, одно] мгновенье...» (ПД 161) следует датировать предположительно концом сентября — до 2 октября 1829 года, по положению в рукописи, где он предшествует наброску «биографии Петра Ивановича Д.» и черновому автографу строф <1> и <2> главы «Странствие» «Евгения Онегина». Эти строфы были перебелены в Первую арзрумскую тетрадь (ПД 841, л. 121—120 об.) 2 октября 1829 года.[13] Кроме того, сорт почтовой бумаги (№ 147; см.: Рукоп. 1937 и Описание ГБЛ. 1936), на которой написан автограф ПД 161, встречается в рукописях Пушкина только в октябре 1829 — начале 1830 года.

в) «На перевод Илиады» («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...») на основании сохранившихся автографов (ПД 840, л. 11 об.—12; ПД 420, л. 44) следует датировать 8 ноября 1831 года, хотя в «Стихотворениях Александра Пушкина» (СПб., 1832. Ч. 3) оно и было помещено поэтом среди произведений 1830 года. Этого двустишия нет среди болдинских «анфологических эпиграмм» («Царскосельская статуя», «Отрок», «Рифма», «Труд»), впервые напечатанных Пушкиным в альманахе «Северные цветы на 1832 год» (цензурное разрешение 9 октября 1831 г.). Скорее всего, стихотворение к этому времени еще не было написано. Его первый беловой автограф находится в Записной книжке 1828—1835 годов, которой у Пушкина в Болдине не было, и датирован «8 N» (т. е. 8 ноября <1831 г.>) (ПД 840, л. 11 об. — 12; на этом же развороте — предшествующие ему черновой[14] и перебеленный автографы). Именно этот текст Пушкин передал барону Е. Ф. Розену для публикации в альманахе «Альцио-

[13] См.: *Петрунина Н. Н.* 1) Когда Пушкин написал предисловие к «Повестям Белкина» // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 32; 2) Проза Пушкина: (Пути эволюции). Л., 1987. С. 74; *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 255—256.

[14] Впервые напечатан в Рукою П. 1935, где датирован началом ноября 1830 г. (см.: с. 179; коммент. М. А. Цявловского).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

на» на 1832 год (цензурное разрешение 20 ноября 1831 г.). Другой беловой автограф (с измененным первым стихом) вшит в цензурную рукопись третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (ПД 420, л. 44) и написан в период ее формирования, то есть в конце 1831 — начале 1832 года (по палеографическим признакам он совпадает с остальными пушкинскими автографами в составе этой рукописи, поступившей в цензуру 19 января 1832 года).

г) Черновой автограф «<Заметки о холере>» (ПД 826) написан, вероятнее всего, не ранее лета 1831 года, когда Петербург был охвачен эпидемией и когда холера, по словам Пушкина, «сделалась мыслию всей Европы». Передатировка этого автографа временем между первой и второй попытками Пушкина выехать из Болдина (т. е. между 3 октября и началом ноября 1830 года)[15] не представляется убедительной. Внешний вид рукописи (оставленные чистыми правые половины двойных листов — для дополнений и вставок), характер правки, сокращенные записи: «Вдруг &с.[16] —», оборванная последняя фраза: «Я поехал рысью — вдруг» — позволяют считать этот текст скорее более поздним мемуарным фрагментом, чем синхронной дневниковой записью, как предполагала Я. Л. Левкович. Кроме того, «<Заметка о холере>» написана на бумаге № 181, которая использовалась Пушкиным в 1831—1836 годах.

д) Беловой с разновременной правкой автограф строфы XXVI восьмой главы «Евгения Онегина» (ПД 940) был написан в Царском Селе, видимо, в конце августа — начале октября 1831 года, в период подготовки к изданию последней главы «романа в стихах», что подтверждается сопоставлением его с другими рукописями этого времени.[17] Кроме того, этот автограф написан, судя по всему, металлическим пером, использование которого не зафиксировано в болдинских рукописях 1830 года.

е) Беловой с разновременной правкой автограф строфы XXX восьмой главы «Евгения Онегина» (ПД 941) также следует отнести к лету—осени 1831 года. Он находится на клочке, оторванном от письма М. И. Калашникова (очевидно, что, когда Пушкин на-

---

[15] См.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 156—160; *Пушкин А. С.* Дневники. Записки / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. СПб., 1995. С. 283—284 («Лит. памятники»); Летопись. С. 245. Возражение против передатировки «<Заметки о холере>» см. в кн.: *Краснов Г. В.* Пушкин: Болдинские страницы. Горький, 1984. С. 142.

[16] Этим значком Пушкин, как правило, обозначал «et cetera».

[17] См.: *Сандомирская В. Б.* Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838): (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 266—267.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ходился в деревне, он не мог переписываться с управляющим болдинским имением; первое из 20 сохранившихся писем Калашникова к Пушкину датировано 17 мая 1831 года). Эта рукопись так же, как и автограф ПД 940, написана, скорее всего, металлическим пером.

ж) Строфы <32> и <33> главы «Странствие» «Евгения Онегина» (ПД 841, л. 18 об. и ПД 945, л. 2 об.) написаны в конце 1829 года и их включение в творческий контекст осени 1830 года[18] представляется неправомерным. Необходимо отметить также, что черновой и перебеленный автографы строфы <32> находятся в одной из рабочих тетрадей,[19] а бумага № 162, на которой написан беловой автограф строфы <33>, встречается в рукописях Пушкина только в октябре—декабре 1829 года.

з) В автографе «<Заметок для объяснения древнерусских слов>» (ПД 1083; традиционно датируется октябрем—ноябрем 1830 г.) есть отсылки ко второму тому первого издания «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (СПб., 1816; с указанием страниц). О том, что это издание было в Болдине, не сохранилось никаких документальных свидетельств. Кроме того, бумага № 164, на которой сделаны выписки, вошла в употребление у Пушкина не ранее последних чисел декабря 1830 года (см. также примечание к описанию автографа ПД 143, с. 189). Вероятнее всего, эти записи сделаны Пушкиным позднее, в связи с работой над переводом «Слова о полку Игореве».

и) Черновой автограф первого в ряду набросков предисловия к «Борису Годунову» («Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...») (ПД 1086), возможно, близок по времени к завершению работы над трагедией. Во всяком случае, все автографы, написанные (как и автограф ПД 1086) на бумаге № 72, относятся к периоду пребывания Пушкина в Михайловском в 1824—1826 годах.

к) Рисунок, представляющий собой геральдический или декоративный набросок (ПД 1727), был отнесен к осени 1830 года А. М. Эфросом, который дал и единственное его описание.[20] Бума-

---

[18] См.: *Гербстман А. И.* К вопросу о пропуске строф о военных поселениях в главе «Странствие» романа «Евгений Онегин» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 337; *Дьяконов И. М.* Об истории замысла «Евгения Онегина» // Там же. Л., 1982. Т. 10. С. 104; Летопись. С. 238.

[19] См.: *Левкович Я. Л.* 1) Из наблюдений над «арзрумской» тетрадью Пушкина. 1. Глава «Евгения Онегина» «Странствие» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 153; 2) Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841: (История заполнения). С. 264.

[20] См.: *Эфрос А.* Автографы Пушкина. VI. Рисунки // Летописи Государственного литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 373—375.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

га, на которой сделан рисунок, представляет собой левый полулист фабричного полного листа с водяным знаком: «А Г». В процессе подготовки факсимильного издания болдинских рукописей удалось обнаружить, что он некогда составлял одно целое с правым полулистом, на котором находится первая черновая редакция письма Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от второй половины апреля — мая 1835 года.[21] (ПД 634, л. 1; правый полулист имеет водяной знак: «1834»; бумага относится к сорту № 41).

6. Внешние особенности документа.

Описание внешних особенностей рукописи включает характеристику бумажного листа (размер и сорт бумаги), позднейшие наслоения и пометы разных лиц, в необходимых случаях — характеристику физического состояния документа.

Размеры листов приводятся в миллиметрах (первая цифра указывает на размер листа вдоль строки основного текста, вторая — поперек). При этом необходимо учитывать погрешность измерений (для бумаги одного сорта она может составлять 1—3 мм), что связано с неровностями линии обрыва или сгиба листов, «волнистыми» краями бумаги без фабричного обреза, ветхостью краев отдельных рукописей, из-за чего были утрачены незначительные фрагменты бумаги (при обмере таких листов дается средняя цифра). Далее указывается формат документа (полный лист, полулист, 4°, 8°, клочок) по отношению к полному фабричному листу писчей или почтовой бумаги. В этой части характеристики рукописи составители следовали терминологии и принципам описания, принятыми Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским: «За полный лист считается лист в четыре страницы (полный фабричный лист), соответствующий двум архивным листам. Этот полный фабричный лист предполагается уже сложенным вдвое, то есть образующим четыре страницы, и обмер его делается не в развернутом, а в сложенном виде. Таким образом, формат листа определяется так же, как формат полулиста: при разрыве по сгибу листов размер не меняется. Если же полулист разрывается надвое, образуется четверка листа, при дальнейшем делении — восьмушка. При этом четверкой листа называется часть полулиста, разорванного поперек так, что линия разрыва пересекает его слева направо, через узкое его измерение. В случае разрыва вдоль образуется не четверка, а полоса. По отношению ко всяким другим разрывам употреблен термин “клочок бумаги”» (Рукоп. П. 1937. С. VIII—IX).

[21] См.: *Пушкин А. С.* Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 188—190, 266 (обоснование датировки Я. Л. Левкович).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Сорт бумаги определяется также в соответствии со спецификацией, разработанной Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским. Зарегистрированные ими сорта бумаги были систематизированы в двух описаниях — печатном (см.: Рукоп. П. 1937. С. IX—XIV, 295—344)[22] и неопубликованном машинописном (см.: Описание ГБЛ. 1936). В описании автографа указывается только номер бумаги, подробная же характеристика каждого из 26 сортов бумаги, на которой писал Пушкин в Болдине осенью 1830 года, дана в отдельной таблице, сохраняющей рубрикацию Рукоп. П. 1937. Благодаря тому, что в настоящее время фонд пушкинских рукописей практически полностью сосредоточен в Пушкинском Доме, оказалось возможным внести ряд уточнений и исправлений в описание отдельных сортов бумаги, выполненное Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским в середине 1930-х годов. К наиболее важным из них относится идентификация бумаги под № 39 и № 42 как бумаги одного сорта. Кроме того, описания Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского дополнены несколькими новыми сортами бумаги, которым присвоены № 24 в, № 43 а, № 131 а, № 131 б, № 174 а.

Фронтальный анализ бумаги, бывшей в употреблении Пушкина Болдинской осенью 1830 года и в близкие хронологические периоды, а также дополнительные изыскания, предпринятые при подготовке настоящего описания, позволяют более или менее уверенно говорить о нескольких ее сортах, которые появились в распоряжении поэта не раньше сентября 1830 года и были самыми употребительными на протяжении первой Болдинской осени. Речь идет о писчей бумаге, отнесенной к сортам № 24 а, № 24 б, № 24 в, № 39, № 43, № 43 а,[23] № 44, и почтовой бумаге, отнесенной к сортам № 131 а, № 131 б, № 148.

В пользу предположения о том, что приблизительно с середины сентября Пушкин писал не на привезенной с собой бумаге, а на бумаге «местного» происхождения (либо из запасов болдинской конторы, либо по случаю закупленной для барина в ближайших Сергаче или Лукоянове), говорят и болдинские хозяйственные документы этого периода, написанные на бумаге трех из перечисленных сортов

[22] О значении этого труда, не имеющего аналогов для архивов писателей XVIII—XX вв., см., в частности, новейшее исследование Д. О. Цыпкина «Об одной историографической легенде: Начало изучения русского бумажного штемпеля» (Фотография. Изображение. Документ. СПб., 2013. Вып. 4 (4). С. 41—62).

[23] Вновь выявленный сорт № 43 а, вероятнее всего, идентичен сорту № 46, описанному в Рукоп. П. 1937 (подробнее см. в примечании к автографу ПД 134, с. 185—186).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

(№ 24 а, № 39, № 43 а). Они выявлены нами в той части вотчинного архива, которая поступила в Пушкинский Дом в 1911 году.

Это черновик челобитной дворового человека Петра Киреева от второй половины августа 1830 года (написан на бумаге № 24 а).[24] Именно Петр Киреев, будучи болдинским конторщиком, осенью 1830 года от имени своего барина «в черне сочинял и набело переписал» прошение в Сергачский уездный суд о вводе Пушкина во владение имением в сельце Кистеневе и по доверенности Пушкина имел «по оному хождение» (XIV, 255; ПД 728).

В качестве обложки канцелярского дела Нижегородской палаты гражданского суда о выдаче Пушкину свидетельства на владение Кистеневом (25 сентября — 17 октября 1830 г.) использован фабричный полный лист бумаги № 43 а.[25] На таком же листе изготовлена и копия предписания попечителя квартала И. И. Пантусова от 24 октября 1830 года о принятии строгих карантинных мер.[26]

Список с надписи на «геометрическом специальном» межевом плане 1813 года о болдинских владениях В. Л. и С. Л. Пушкиных и Е. Л. Сонцовой[27] традиционно относят к октябрю 1813-го — 1814-му году.[28] Однако при его датировке не было учтено, что он написан на бумаге с водяным знаком «1830» и, вероятнее всего, был составлен в болдинской конторе в связи с хлопотами по делу о вводе Пушкина во владение землей и крестьянами в сельце Кистеневе. Бумага, на которой изготовлена эта копия, относится к сорту № 39 — самому употребительному у Пушкина в болдинские месяцы 1830 года.

Отметим также, что в процессе обследования архива поэта было выявлено несколько случаев более позднего использования Пушкиным некоторых из «болдинских» сортов бумаги, но они единичны, и каждый возможно объяснить более или менее достоверно.

---

[24] См.: РО ПД, ф. 244, оп. 22, № 97.

[25] См.: Там же, № 357. Документы из этого дела напечатаны в изд.: Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии: 1830—1837 / Сост. С. В. Березкиной, В. П. Старка. СПб., 2010. С. 102—105, 106—110, 111—112, 115—117, 118—120.

[26] См.: РО ПД, ф. 244, оп. 22, № 98; напечатано в изд.: Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии: 1830—1837. С. 122—123.

[27] См.: РО ПД, ф. 244, оп. 22, № 330.

[28] См.: Хозяйственный архив А. С. Пушкина (по Нижегородским владениям) / Публ. и коммент. П. Попова // Летописи Государственного литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 86—89; *Левина Ю. И.* Межевые планы Болдина: Из истории некоторых экспонатов Болдинского музея-заповедника А. С. Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 182—186; Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии: 1799—1829 / Сост. В. П. Старк. СПб., 2007. С. 241—244 (коммент. С. В. Березкиной).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Так, не приходится сомневаться в том, что, покидая нижегородское имение в конце ноября 1830 года, Пушкин взял с собой в дорогу некоторый запас «болдинской» бумаги, писчей и почтовой. Ее использование в декабре 1830 года не требует каких-либо дополнительных пояснений. Первый из известных нам послеболдинских автографов написан во время карантина на почтовой станции Платава (в Богородском уезде Московской губернии) и помечен 2—3 декабря. Это перебеленный текст болдинского стихотворения «Моя родословная» (без «Post scriptum»), записанный на левом полулисте бумаги № 43 а (ПД 925). Одним из последних болдинских автографов мог быть и проект официальной записки к А. Х. Бенкендорфу о разрешении периодического издания с политическими новостями, составление которого, вероятнее всего, продолжилось в Москве (черновая рукопись на двух полных листах бумаги № 39 и левом полулисте бумаги № 43 или 44; подробнее см. в примечании к автографу ПД 1640, с. 181—183).

На «болдинской» почтовой бумаге № 148 написаны и первые письма Пушкина по возвращении в Москву: 9 декабря — П. А. Плетневу (ПД 531) и Е. М. Хитрово (ПД 532), 11 декабря — Е. М. Хитрово (ПД 533). В более позднее время этот сорт бумаги, произведенной на Угличской фабрике наследников Попова, в рукописях Пушкина не встречается, как и почтовая бумага вновь выявленных «болдинских» сортов той же фабрики (№ 131 а и № 131 б).

Одна из сохранившихся пушкинских записок лицеисту VI курса П. И. Миллеру также написана на четверке «болдинской» бумаги и датируется серединой (не позднее 18-го) октября 1831 года (ПД 1751; нижняя ¼ левого полулиста бумаги № 43 или № 44).[29] Для этого случая тоже есть объяснение: все четыре короткие записки Пушкина к лицейскому «внуку», относящиеся ко времени пребывания в Царском Селе летом — осенью 1831 года, написаны на клочках бумаги, резко, неровно оторванных от тех рукописей, что, по-видимому, были у Пушкина под рукой. Это обычная для Пушкина практика экономии бумаги, которая постепенно сформировалась за годы его кочевой жизни.

Среди царскосельских рукописей лета 1831 года выявлен и полный лист бумаги № 43 а, который Пушкин использовал как обложку для белового автографа статьи «Торжество дружбы, или

[29] См.: *Теребенина Р. Е.* Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1969—1974 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 109—111.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Оправданный Александр Анфимович Орлов» (ПД 1090, л. 1/10; датируется второй половиной июля 1831 г.). На правом полулисте этого же сорта бумаги написаны и две первые строфы первоначальной редакции поэмы «Езерский» (ПД 953; датируется второй половиной марта — второй половиной апреля 1832 г.).

Эти единичные случаи, как представляется, не искажают общую картину наблюдений и только подтверждают вывод о локальном использовании Пушкиным осенью 1830 года не менее десяти сортов бумаги, принадлежность к которым может считаться в спорных случаях достаточно надежным инструментом для датировки конкретных автографов болдинским периодом 1830 года.

Указание на принадлежность к «болдинскому» сорту введено в таблицу с описанием бумаги (см. графу «Примечания»). Там же дана сокращенная отсылка к книге С. А. Клепикова «Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX века» (М., 1978), если в нее включены описания водяных знаков, встречающихся в болдинских бумагах Пушкина.

При описании позднейших наслоений учитываются пометы лиц пушкинского окружения, для писем — печати, отметки почты и дезинфекционные проколы, которые свидетельствуют о прохождении писем через карантинные посты осенью 1830 года, во время холерной эпидемии. Обязательно указываются жандармские цифры, позднейшие записи владельцев рукописей, пометы редакторов собраний сочинений Пушкина и публикаторов его рукописей. Все они приводятся в хронологии их появления на пушкинском автографе.

Отдельного замечания требуют карандашные отметки года («1829», «1830») в правом или левом верхнем углу на большей части рукописей, принадлежавших пушкинскому собранию Л. Н. Майкова и восходящей к нему коллекции вел. кн. Константина Константиновича. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский в своем описании, как правило, не верифицировали их, ограничиваясь корректными формулировками: «неизвестною рукой», «чужой рукой» (см.: Рукоп. П. 1937. С. 48, 53—57 и др.). Действительно, уверенно атрибутировать подобные цифровые записи какому-то определенному лицу вряд ли возможно. Однако сама история бытования рукописей Майковского собрания и история их изучения несколькими поколениями пушкинистов позволяют высказать более или менее правдоподобные предположения об «авторстве» этих пометок. Наиболее очевидную версию об их принадлежности руке Л. Н. Майкова приходится отклонить. Наблюдения над пушкинскими рукописями из его собрания (не только болдинскими) позволяют высказать более или менее уверенное предположение о том,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

что датирующие пометы на автографах появились после смерти Майкова († 7 апреля 1900 г.). Так, в альбоме академической Пушкинской выставки 1899 года были воспроизведены два автографа из собрания Л. Н. и А. А. Майковых: «Поэту» («Поэт, не дорожи любовию народной...») и «Клеветникам России».[30] В настоящее время на обеих рукописях (ПД 123 и ПД 76) есть карандашные отметки года той же рукой, что и на болдинских рукописях 1830 года, при этом на альбомных фототипиях 1899 года они отсутствуют. Кроме того, аналогичная запись («1820—1825») есть и на автографе «Что с тобой, скажи мне, братец?..» (ПД 79), но так датировал это незавершенное стихотворение И. А. Шляпкин, впервые напечатавший его по другому источнику (не по автографу) только в 1903 году (т. е. после смерти Л. Н. Майкова).[31] Вероятнее всего, эти отметки принадлежали В. Е. Якушкину, на которого после кончины Майкова были возложены редакторские обязанности по подготовке 2-го и 3-го томов первого академического издания Собрания сочинений Пушкина и который в 1900-е годы систематически работал с пушкинскими автографами (в том числе из Майковского собрания) и докладывал о результатах своих занятий в заседаниях Комиссии для издания сочинений Пушкина.[32] Кроме того, особенности начертания цифр в рукописях самого В. Е. Якушкина не противоречат графике датирующих карандашных помет на автографах, принадлежавших Л. Н. Майкову.

При описании внешних особенностей документа отмечаются также значительные дефекты рукописи.

7. История бытования рукописи после смерти Пушкина.

Этот раздел описания в самой краткой форме отражает историю перехода рукописи от одного владельца к другому — насколько она прослеживается по архивным и печатным источникам (лакуны в этой «цепочке» обозначены знаком: «?»).

Болдинские автографы 1830 года восходят в основном к нескольким крупным собраниям. В их составе они были описаны ранее — с разной степенью полноты и с использованием разных

---

[30] См.: Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899 / Под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. М., 1899. С. 2 (№ 28, 40); Ил. 72, 70.

[31] См.: *Краснобородько Т. И.* О второй стихотворной вставке в пушкинской «<Повести из римской жизни>» («Что с тобой, скажи мне, братец?..») // Русская литература. 2020. № 2. С. 5—6.

[32] См. протоколы заседаний Комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Академии наук от 12 апреля 1907 г. и 12 января 1908 г. (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1908. Вып. 8. С. XXXIV, XXXVII).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

принципов описания (сведения об этих описаниях приводятся ниже; в разделе «Литература» ссылка на них, за редкими исключениями, не дается).

Собрание Румянцевского музея (*Государственная библиотека им. В. И. Ленина*). Значительная часть болдинских рукописей сохранялась у наследников Пушкина вплоть до 1880 года, когда старший сын поэта А. А. Пушкин (1833—1914) передал основную часть личного архива отца в Московский Публичный и Румянцевский музеи. Помимо рабочих тетрадей поэта это были рукописи на листах in folio, сшитые в «жандармские» тетради, которые известны в пушкиноведении под архивными номерами Румянцевского музея. Полистное описание этого собрания было выполнено В. Е. Якушкиным (1856—1912) в соответствии с номерами их архивного хранения (№ 2364—2395).[33] Шифры Румянцевского музея приведены в источниковедческих справках Акад. с пометой «ЛБ» (т. е. Ленинская библиотека); в настоящем описании они указаны в разделе об истории бытования автографа.

Автографы на отдельных листах, которые остались у В. А. Жуковского после завершения Посмертного собрания сочинений Пушкина (1838—1841) и П. В. Анненкова, редактора пушкинского Собрания сочинений 1855—1857 годов, в последующем составили ядро нескольких крупных коллекций.

Собрание Императорской Публичной библиотеки (*Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*). Часть пушкинских рукописей, которые унаследовал от своего отца П. В. Жуковский (1845—1912), в 1884 году была приобретена у него Императорской Публичной библиотекой в Петербурге. В составе пушкинского собрания библиотеки эти автографы были кратко описаны Л. Б. Модзалевским.[34] Шифры Публичной библиотеки в Ленинграде (ПБЛ), как и шифры Румянцевской (Ленинской) библиотеки, долгое время имели обращение в исследовательской литературе, поэтому указание на них также приводится в разделе об истории бытования автографа.

Собрание А. Ф. Онегина (*1845—1925*). Начало этой коллекции было положено в 1883 году, когда П. В. Жуковский передал А. Ф. Онегину, с середины 1860-х годов жившему в Париже

---

[33] См.: *Якушкин В. Е.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 2—12.

[34] См.: Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929 (Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР и Пушкинского комитета Государственного института истории искусств).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и основавшему там первый частный пушкинский музей, бóльшую часть пушкинских бумаг, которые остались у В. А. Жуковского. В 1909 году этот музей стал собственностью Пушкинского Дома при Императорской Академии наук, а в 1928 году, после смерти владельца, был перевезен в Ленинград. Первое описание пушкинских автографов Онегинского музея было выполнено Б. Л. Модзалевским (1874—1928),[35] а их публикация осуществлена в серии «Трудов Пушкинского Дома при Российской Академии наук».[36]

Собрание Л. Н. Майкова (*1839—1900*). Пушкинские автографы этого собрания ранее принадлежали П. В. Анненкову (1812, по другим данным 1813—1887), который получил их в 1851 году от вдовы поэта для подготовки Собрания сочинений Пушкина.[37] По окончании работы над изданием Анненков возвратил Н. Н. Пушкиной бóльшую часть личного архива поэта, оставив у себя ряд автографов на отдельных листах. После его смерти рукописями владела его вдова Г. А. Анненкова (урожд. Ракович; 1831—1899).[38] В 1894 году она передала часть пушкинских рукописей, хранившихся до этого времени в симбирском имении Анненковых Чириково (Чирьково), в собственность академика Л. Н. Майкова — редактора первого академического издания Собрания сочинений Пушкина. «Когда и при каких обстоятельствах произошла эта передача, мне неизвестно»,[39] — писал М. А. Цявловский в своем обстоятельном исследовании о судьбе пушкинских рукописей. Неопубликованная переписка Г. А. Анненковой и Л. Н. Майкова позволила прояснить эти обстоятельства. Из нее следует, что Анненкова, постоянно проживавшая в Дрездене, летом 1894 года приезжала в Симбирскую губернию и отправила Л. Н. Майкову в Петербург (в ответ на его «неоднократные» просьбы) не только хранившиеся в усадебной библиотеке пушкинские материалы, но и бюст Пушкина из кабинета мужа.[40] «Примите выражение моей искренней признательности за присланный бюст (он еще не прибыл) и за доставленные уже бумаги Пушкина, — писал Майков вдове П. В. Анненкова 6 сентября 1894 года. — Бумаги интересны, а бюст послужит украшением мо-

---

[35] См.: *Модзалевский Б.* Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А. Ф. Онегина в Париже // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 12. С. 7—26.

[36] См.: Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина. Пб., 1922.

[37] См.: *Модзалевский Б. Л.* Работы П. В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 277—396 (то же в кн.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники: Избранные труды (1898—1928) / Сост. и примеч. А. Ю. Балакина. СПб., 1999. С. 436—506).

[38] См.: *Цявловский М. А.* «Посмертный обыск» у Пушкина. С. 328—331.

[39] Там же. С. 329.

[40] См.: РО ПД, ф. 166, оп. 3, № 86, л. 12.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

его кабинета и будет мне напоминать не только того, кого изображает, но и того, кому принадлежал; я уже говорил, что считаю себя счастливым в том, что мне приходится продолжать работу, начатую покойным Павлом Васильевичем».[41] Вновь посетив имение летом 1898 года, Г. А. Анненкова «нашла довольно много бумаг, относящихся к изданию Пушкина»,[42] и также подарила их Майкову. В 1904 году бóльшая часть пушкинской коллекции Л. Н. Майкова поступила в Рукописное отделение Библиотеки Императорской Академии наук как дар его вдовы, А. А. Майковой (урожд. Трескина; 1841—1914[43]), и положила начало Пушкинскому отделу имени Л. Н. Майкова. При передаче рукописей А. А. Майкова поставила условие, чтобы «право первого пользования пушкинскими материалами и опубликования их принадлежало Академии наук и чтобы опубликование это произошло в академическом издании сочинений Пушкина», начатом Л. Н. Майковым. Поэтому первое описание рукописной части коллекции, сделанное для повременного сборника академической Комиссии по изданию сочинений Пушкина, было предельно кратким и отражало в основном внешнюю сторону документа.[44] В конце 1922 года в Пушкинском Доме была создана комиссия с целью подготовки полного комментированного описания пушкинских автографов из Майковского собрания. В нее входили Б. Л. Модзалевский, Б. В. Томашевский, Н. К. Козмин и Н. В. Измайлов. К весне 1923 года работа общим объемом около 20 авторских листов была готова к сдаче в набор (позднее было принято решение описать и автографы Пушкина из собрания вел. кн. Константина Константиновича как органической части Майковского собрания). Описания обеих коллекций должны были составить второй том серии «Неизданный Пушкин» (первый выпуск содержал описание автографов из собрания А. Ф. Онегина). Госиздат, отказавшись от

[41] Там же, ф. 7, № 65, л. 17—17 об.

[42] Там же, ф. 166, оп. 3, № 86, л. 29 (год письма установлен по контексту).

[43] В пушкиноведческой литературе указывается другой год смерти А. А. Майковой — 1915. Эта дата впервые была зафиксирована в статьях М. А. Цявловского о судьбе рукописного наследия Пушкина (см.: *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. С. 272, 330). Сведения восходили к заведующему Отделом рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде И. А. Бычкову. «Вдова Л. Н. Майкова Александра Алексеевна скончалась в 1900-х годах (если не ошибаюсь, в 1915 году)», — писал он Т. Г. Цявловской 27 октября 1932 года (РО ПД, ф. 387, № 388, л. 8 об.). Год смерти А. А. Майковой уточнен на основании дневниковых записей вел. кн. Константина Константиновича (см.: *Лобашкова Т. А.* Из истории формирования личного фонда великого князя Константина Константиновича // Отечественные архивы. 2000. № 3. С. 23).

[44] См.: *Срезневский В. И.* Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. С. 1—38.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

этого издания, тем не менее не дал разрешения ни одному частному издательству напечатать его. Б. Л. Модзалевский вплоть до 1928 года предпринимал попытки опубликовать эту книгу, но все они оказались безуспешными.[45] После его смерти осуществить издание предполагал Н. В. Измайлов, но это оказалось невозможным из-за его ареста в ноябре 1929 года по «академическому делу».[46] Сохранилась часть рабочих материалов этого неосуществленного тома: транскрипции автографов, выполненные участниками издания, описание отдельных автографов, несколько пробных корректурных листов.[47] В 1931 году собрание Л. Н. Майкова из Библиотеки Академии наук поступило в Пушкинский Дом.

Собрание вел. кн. Константина Константиновича (*К. Р.*) (*1858—1915*). В 1904 году[48] А. А. Майкова подарила 12 автографов Пушкина из собрания своего покойного мужа президенту Императорской Академии наук вел. кн. Константину Константиновичу, который сыграл важную роль в создании и становлении Пушкинского Дома и завещал ему свой литературный архив и коллекцию рукописей, в том числе и пушкинские автографы. После его смерти это собрание временно хранилось в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук и было кратко описано А. Л. Бемом.[49] В 1923 году оно было передано в Пушкинский Дом. Тогда же Н. В. Измайлов и Б. В. Томашевский подготовили описание пушкинских автографов из собрания К. Р. для второго тома в серии «Неизданный Пушкин», которое не было напечатано (см. выше). Позднее публикацию этих автографов осуществил М. Л. Гофман, — она содержала тексты пушкинских стихотворений (с вариантами и краткими комментариями), без подробного описания самих документов.[50]

---

[45] Подробнее см.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 129 (примеч. 167).

[46] См.: Б. В. Томашевский: (Стенограмма Ученого совета ИРЛИ 3 октября 1957 г.) / Публ. Я. Л. Левкович // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 294.

[47] См.: РО ПД, ф. 244, оп. 31, № 223.

[48] В Рукоп. П. 1937 указан 1902 год. Дата уточнена на основании собственноручной записи вел. кн. Константина Константиновича на конверте, в котором он хранил подлинники поэта: «Автографы Пушкина от А. А. Майковой. (Из собрания покойного Леон.<ида> Ник.<олаевича> Майкова). Получил 6 сентября 1904» (находится в секторе учета РО ПД, в деле фонда 244).

[49] См.: Рукописи великого князя Константина Константиновича, поступившие на хранение в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук / Сост. А. Л. Бем // Известия Академии наук. Сер. 6. 1917. № 11. С. 764—799.

[50] См.: *Гофман М. Л.* Неизданные рукописи Пушкина: Из трудов Пушкинского Дома при Российской Академии наук // Окно: Литературный сборник.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Собрание Пушкинского Лицейского музея. Коллекция рукописей поэта в Пушкинском музее, основанном при Императорском Александровском лицее 19 октября 1879 года, создавалась прежде всего пожертвованиями лицеистов разных поколений.[51] К 100-летию со дня рождения Пушкина описание обширных книжных, изобразительных и рукописных собраний Лицейского музея было издано отдельной книгой,[52] а в 1911 году, к 100-летию основания Лицея, воспитанник LXIX курса кн. Олег Константинович (сын вел. кн. Константина Константиновича) осуществил факсимильное издание 17 автографов стихотворных произведений Пушкина из лицейского собрания.[53] После Февральской революции 1917 года, когда в связи с ликвидацией Лицея неизбежно встал вопрос и о дальнейшем существовании его Музея, П. Е. Рейнбот, многолетний секретарь и почетный член Пушкинского лицейского общества, в ведении которого с 1899 года находился Музей, с согласия Совета Общества передал собрания Пушкинского Лицейского музея Пушкинскому Дому.[54]

Собрание И. А. Шляпкина (1858—1918). Пушкинские автографы из этого собрания ранее принадлежали брату П. В. Анненкова — И. В. Анненкову (1814, по другим данным 1813—1887). В конце 1899 года его сын Ф. И. Анненков продал их И. А. Шляпкину,[55] который издал свое пушкинское собрание отдельной кни-

---

Париж, 1924. Кн. 3. С. 341—388 (во вступительной заметке к публикации Гофман ошибочно сообщил, что вел. кн. Константин Константинович получил рукописи от П. В. Жуковского). Об обстоятельствах появления этой работы Гофмана см.: Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому: Часть II (1922—1926) / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 884—885 (примеч. 6 к письму 48), 889—890 (примеч. 9 к письму 51), 899 (примеч. 16 к письму 55).

[51] См.: *Павлова С. В.* 1) Пушкинский музей Императорского Александровского лицея // Страницы истории пушкиноведения: Сб. науч. тр. СПб., 1994. С. 23—40; 2) Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей. СПб., 2002. С. 105—182.

[52] См.: Описание Пушкинского музея Императорского Александровского лицея / Сост. С. М. Аснаш и А. Н. Яхонтов; Под ред. И. А. Шляпкина. СПб., 1899.

[53] См.: Рукописи Пушкина. I. Автографы Пушкинского музея Императорского Александровского лицея / Изд. кн. Олега Константиновича. СПб., 1911. Вып. 1. Об этом издании см.: *Краснобородько Т. И.* Князь Олег Константинович — издатель рукописей Пушкина // Русское подвижничество. М., 1996. С. 233—244.

[54] Подробнее об этом см. в письмах Б. Л. Модзалевского к Н. А. Котляревскому (Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 203—206) и М. О. Гершензону (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 340—341).

[55] См.: Рукоп. П. 1937. С. XVI.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

гой.[56] В 1921 году душеприказчик Шляпкина П. А. Горчинский передал эту коллекцию в Пушкинский Дом.[57]

Собрание С. М. Лифаря (*1905—1986*). К пушкинской коллекции известного танцовщика, хореографа и коллекционера восходят письма Пушкина к невесте. В 1863 году, незадолго до смерти, Н. Н. Пушкина завещала их младшей дочери гр. Н. А. Меренберг (в первом браке Дубельт; 1836—1913), которая жила в Висбадене. От нее эти письма, кроме двух, унаследовала ее дочь от второго брака гр. С. Н. де Торби (1868—1927). Морганатический брак внучки Пушкина с вел. кн. Михаилом Михаиловичем не был признан Александром III, и супруги были вынуждены поселиться в Лондоне, где королева Виктория пожаловала гр. С. Н. Меренберг титул графини де Торби. Ни дочь, ни внучка Пушкина не предоставили писем поэта к невесте для академического издания его писем, несмотря на ходатайство Президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича.[58] После смерти гр. С. Н. де Торби († 14 сентября 1927 г.) ее муж вел. кн. Михаил Михаилович († 26 апреля 1929 г.) продал пушкинские письма С. П. Дягилеву († 19 августа 1929 г.). Как вспоминал позднее С. Лифарь, «Дягилев получил эти письма в конце июля 1929 года через Вольхгейма, своего лондонского импресарио. В Париже он положил их в сейф своего Банка и в тот же день выехал в Зальцбург и оттуда в Венецию».[59] В 1930 году десять писем к невесте и одно к Н. И. Гончаровой стали собственностью С. М. Лифаря, который в сотрудничестве с М. Л. Гофманом подготовил их факсимильное издание накануне 100-летия гибели Пушкина.[60] Лифарь предполагал вернуть пушкинские подлинники в Россию, но все его попытки договориться об этом с пред-

---

[56] *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903.

[57] В Рукоп. П. 1937 указан 1918 год. Уточнение даты см.: *Красноборько Т. И.* «Жаль кольца...»: (Невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-«талисмана») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 27; ср.: Пушкинский Дом при Российской Академии наук: Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 31.

[58] См. опубликованное М. Д. Филиным письмо гр. Н. А. Меренберг к дочери в кн.: *Филин М. Д.* «...И душа отдыхает в прошлом...»: Пушкинские страницы дневников И. А. Шляпкина // Филин М. Д. О Пушкине и окрест поэта: (Из архивных разысканий). М., 1997. С. 225—228.

[59] *Лифарь С.* Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские выставки и издания. Париж, 1966. С. 29.

[60] *Гофман М. Л., Лифарь С.* Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой: Юбилейное издание. 1837—1937. [Париж, 1936]. Об истории приобретения и публикации этих писем также см.: *Лифарь С.* Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские выставки и издания. С. 28—32.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ставителями Министерства культуры СССР, предпринятые на протяжении 1960—1970-х годов, оказались безуспешными. Через два года после его смерти, в конце 1988 года, Министерство культуры СССР приобрело письма Пушкина к невесте у вдовы балетмейстера — гр. Л. д'Алефельдт-Лаурвиг.[61] Тогда же она подарила Пушкинскому Дому и гербовую печатку Пушкиных, которую С. М. Лифарь купил в 1935 году у внучки поэта Е. А. Розенмайер (урожд. Пушкина; 1890—1943).[62] В январе 1989 года эти реликвии поступили в Пушкинский Дом.

История единичных болдинских автографов, которые восходят к другим, не поименованным здесь коллекциям (Государственного литературного музея, архивам П. А. Плетнева, М. П. Погодина, П. А. Вяземского, Осиповых—Вульфов и др.), отражена непосредственно при описании рукописи.

Необходимо иметь в виду еще один период в истории бытования большей части пушкинских рукописей. В 1937 году к 100-летию со дня гибели поэта в Москве была организована Всесоюзная Пушкинская выставка, на которую все музеи, библиотеки и архивы предоставили пушкинские автографы. 4 марта 1938 года в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР она была реорганизована в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве (в ведении Института мировой литературы им. М. Горького АН СССР). Это же постановление обязывало все, без исключения, учреждения и организации «передать Музею А. С. Пушкина имеющиеся у них материалы, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина».[63] На протяжении 1938—1939 годов это требование было выполнено. Не передал в Москву свое пушкинское собрание только Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР; в Отделе рукописей вновь созданного Государственного музея А. С. Пушкина оказались лишь те автографы поэта, которые Пушкинский Дом предоставил на Всесоюзную Пушкинскую вы-

---

[61] В интервью, данном 6 сентября 1986 г., за три месяца до смерти, С. Лифарь подчеркивал, что право владения пушкинскими автографами из своего собрания передал гр. Л. д'Алефельдт-Лаурвиг: «Все рукописи Пушкина в Лондоне, но они принадлежат не мне, а моей спутнице в течение последних двадцати пяти лет моей жизни, она шведка» (50 лет назад...: Беседа Е. Г. Эткинда (Париж) и Р. Кембалла (Лозанна) с С. М. Лифарем // Revue des études slaves. Paris, 1987. T. 59, fasc. 1—2. P. 12).

[62] Об истории бытования этой гербовой печатки Пушкиных см.: Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому: Часть II (1922—1926). С. 903—904 (примеч. 12 к письму 56).

[63] Цит. по: Каталоги фондов Государственного литературного музея. Александр Сергеевич Пушкин: Рукописи. Документы. Иллюстрации / Ред. К. П. Богаевская. М., 1948. Вып. 7. С. XVIII.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ставку 1937 года. В 1948 году Государственный музей А. С. Пушкина был переведен из Москвы в Ленинград, и все его архивные фонды распоряжением Президиума АН СССР были переданы Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) АН СССР.

8. Другие автографы.

В эту рубрику включены сведения о других автографах (или авторизованных копиях), в том числе не относящихся к осени 1830 года (если таковые сохранились).

9. Литература.

В рубрике представлена краткая библиография публикаций и исследовательских работ, основанных на изучении болдинских рукописей Пушкина, а не текстов болдинских произведений как таковых. Работы расположены в хронологическом порядке, что позволяет проследить историю осмысления в пушкиноведении каждого отдельного автографа (в первую очередь, его датировку и место в рукописном контексте Болдинской осени 1830 года, расшифровку биографических помет и цифровых записей, прочтение сложных черновиков, анализ вариантов рукописного текста и т. д.). Указаны также работы, в которых прослеживается история автографов, многократно менявших владельцев после смерти Пушкина. Необходимо иметь в виду, что приведенные библиографические сведения не являются исчерпывающими; задачи полного учета такого рода публикаций решаются в специальных научных библиографиях.

В раздел «Литература» не включены работы о рисунках поэта. История осмысления графики Пушкина первой Болдинской осени представлена в основных трудах, посвященных графике поэта: *Эфрос А.* Рисунки поэта. [М.], 1933; *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. 2-е изд., пересмотр. и расшир. М., 1980; Болдинские рисунки А. С. Пушкина. 1830, 1833, 1834 / Авт.-сост. Ю. И. Левина. 2-е изд., доп. Горький, 1988; *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996; *Денисенко С. В., Фомичев С. А.* Пушкин рисует: Графика Пушкина. СПб.; Нью-Йорк, 2001.

Составители признательны Ю. А. Сорокиной, ведущему библиотекарю Пушкинского кабинета Библиотеки РАН, за помощь в пополнении раздела «Литература» исследованиями последних лет.

Пушкинский кабинет ИРЛИ